

СОТНИК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника
Бешеный лис
Покоренная сила
Перелом
Ближний круг
Женское оружие
Стезя и место
Бабы строем не воюют
Богам — божье, людям — людское

СОТНИК

Беру все на себя
Уроки Великой Волхвы
Так не строят!
Позиционные игры
Не по чину
Кузнечик
В ответе за всех
Не властью единой
Половецкий след
Бывших не бывает

Евгений Красницкий
Денис Варюшенков

СОТНИК

Бывших не бывает

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 20

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Красницкий, Евгений Сергеевич;
Варюшенков, Денис Евгеньевич**

К78 Сотник. Бывших не бывает : роман / Евгений Красницкий, Денис Варюшенков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 480 с. (Серия «Сотник»).

ISBN 978-5-17-157683-7

Он был солдатом Римейской империи — наследницы великого Рима. Воевал всю жизнь, достиг высоких чинов, потерял семью, но случилась последняя для него битва, и увечье перечеркнуло всю прежнюю жизнь. Теперь он иеромонах, волею судеб заброшенный далеко от родины — в глухой уголок Руси. В глухой её уголок. И в этой глуши творятся дела, потенциально способные повлиять на всю ойкумену. И ему надлежит встроиться в эти события. Вот только как понять — благо это или зло, Бог или враг рода человеческого направляет руку тех, кто встретился на пути — от приближённых туровского епископа до мальчишки-сотника и мужика-обозника? На чьей стороне сражаться отцу Меркурию — бывшему солдату Макарию? Впрочем, почему бывшему? Бывших не бывает...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 842Рос=Рус)6-445

© Евгений Красницкий, 2023
© Денис Варюшенков, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-157683-7

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Солдат, не спрашивай. зачем...

Яркое осеннее солнце скупое дарило последнее тепло городу Архангельску — стольному граду Великого княжества Росского и Поморского. Молодой город в своей высокомерной суете удачливого юноши не замечал последней солнечной ласки. Скоро зарядят дожди, а потом и зима — ну и что? Спешите жить, спешите создавать, и воздастся тебе, а старость и смерть — когда они ещё будут?

Но не всех в городе захватила деловая суета. В келье архиепископского подворья у окна, выходящего на залив, за столом сидел человек. Он был стар, почти дряхл, но даже сейчас в стоящем на закате своей жизни монахе внимательный наблюдатель увидел бы бывшего воина. Перед ним на столе лежала открытая тетрадь в кожаном переплёте. Глядя на покрытый парусами залив, монах шёпотом проговаривал то, что сейчас положил на бумагу.

«Так как же начинался мой путь? Нет, не мой — наш! Сейчас, на самом его завершении, я чётко понимаю, что эту дорогу мы ломали вместе. Мы все: я многогрешный, великий князь Михаил, адмиралос Георгий, его ученик и княжеский крестник адмиралос Василий, зодчий Кондратий, domestik схол —

великий воевода Дмитрий, мастера Тимофей и Косьма*; великий посадник Дамьян** и иные прочие... Иных уже нет с нами, на их место пришли другие; иные, как я, стоят на пороге своей земной жизни, и скоро этот путь продолжится без нас... У пути нет конца, но для каждого вступившего на него есть начало, первый шаг... А где же был мой?

Поливот... Да, Поливот! Триумф нашего оружия, триумф Варды Вурца и Камицы, последняя победоносная война базилевса Алексея... Только для меня это кончилось плохо. Впрочем, не ропщи на судьбу солдат. Это могло случиться в любой момент. Если взял меч и щит, будь готов к смерти и увечью. Мне слишком долго везло, так не могло продолжаться бесконечно».

Последний поход в жизни императора Алексея Комнина начинался хорошо, да и закончился он для империи очень неплохо. Турок разбили при Ампуке. Враг без боя сдал крепость Кедрея. Султан Пухей и его варвары бежали перед победоносным войском империи, как трусливые шакалы, а ведь о стены Кедреи ромеи могли хорошо обломать зубы. Но турки сделали ноги. Началось преследование. Никто под страхом смерти не смел брать добычу, не мог покинуть рядов. Ночной марш на пределе сил, когда отставших не ждали. Люди и лошади падали замертво от усталости, но варваров догнали и застали врасплох. Пехота ударила по лагерю в лоб, а конница охватила с флангов. Началась резня, и меньше чем через час всё было кончено. Уцелевшие турки бежали, никто их не преследовал — не было сил. Солдаты падали прямо в страшную грязь смертного поля — жуткую смесь размолотой ногами и копытами земли, крови, мочи и той мерзкой жидкости, что сочится из распоротых кишок. Люди засыпали прямо в этом месиве, положив голову на труп врага или товарища — невозможно было понять, живой или мёртвый

---

* К о с ь м а — церковнославянская и греческая форма имени Кузьма.

** Д а м и а н — церковнославянская и греческая форма имени Демьян. Здесь имеются в виду Демьян и Кузьма Лисовины — двоюродные братья главного героя циклов «Отрок» и «Сотник» Михаила Лисовина.

лежит перед тобой. Такое бесполезно рассказывать тому, кто не был в бою сам.

Утром солдат поднимали палками. А как сумели сохранить своих коней катафракты и конные лучники — знали только они сами. Отдыхать было некогда, мера Камицы так и оставалась в авангарде. Шла настоящая загонная охота, варваров вытесняли на равнину возле Поливота. Урока, полученного при Ампуке конийскому султану Малик-шаху и его подручным оказалось мало. Турки потерпели поражение, но сдаваться не собирались. Солдаты неделями не снимали доспехов, не знали отдыха. Лёгкая конница противника не давала покоя наступающим колоннам, а в довершение всего турки сожгли все посевы и забили палдью колодцы.

«Адские муки, пекло... Не знаю, испугают ли они меня теперь? В то лето все мы испытали их на своей шкуре. Запах гары, хруст смешанного с пеплом песка на зубах, предел мечтаний — глоток вонючей воды из взятого с боем колодца. И стрелы, стрелы, стрелы... Лёгкая конница варваров не принимала боя: лишь осыпала издали стрелами. Наши конные лучники метались взад и вперёд вдоль колонны, отгоняя их, а пехоте и катафрактам оставалось только теснее сжимать строй, охраняя обоз. Ветер крутил смерчи из пепла, а солнце, такое ласковое и доброе дома, стремилось сжечь то, что пощадил огонь.

Вонь, боль, смерть... За годы службы солдаты натирают доспехами роговые мозоли, но тогда не выдерживали и они. Железо безжалостно вжимало пропитанные солью поддоспешники в открытые гноящиеся язвы. Кто-то падал убитый безжалостным солнцем, кого-то находила стрела, кого-то жизнь покидала на обочине дороги, исходя из иссохшего тела кровавым поносом. Но мы шли вперёд, шли через ад.

Чего мы хотели тогда — отплатить за Манцикерт, вернуть имперские земли, стереть с лица земли варваров-магометан, освободить единоверцев или просто отомстить за погибших товарищей? Да всё вместе! Но больше всего мы хотели пить, жрать и спать! Только пока не сломан хребет варваров, отдыха не будет — это все тоже хорошо понимали.

Вуры тогда крепко вяпался, впрочем, не по своей вине. Как я узнал потом, базилевс нарочно подсунул варварам меры его

и Камицы как приманку. Эти немые иконийские задницы не могли долго терпеть то, что Варда Вурц проделывал с их землями. Да и сам дука знал, что встреча с главными силами варваров неизбежна, иначе он не потащил бы с собой в набег пехоту. Итог закономерен: мы столкнулись с ними лоб в лоб. Разведка сработала хорошо, нам хватило времени не спеша развернуться в боевой порядок.

Байраки, по своему обыкновению, стояли, как шлюхин забор*, вот только тех, кто обманул бы их неряшливым построением, в живых давно уже не осталось. Эти почти бездеспешные обфранцы были страшны своим натиском, ловкостью и презрением к смерти. Как мягкая волна во время шторма дробит несокрушимые каменные волноломы, так и пехота варваров могла разносить в пыль железные фаланги таксиархий, стоило стратигам допустить малейшую ошибку. Истощено визжа, налетали они на строй, одни с невероятной ловкостью старались протиснуться между сафиссами, другие умело били остриями своих длинных пик в лица бойцов первого ряда, третьи змеями проползали под ногами и пускали в ход клычи и скимитары. А когда на фалангу наваливались ещё и спахи, становилось совсем кисло.

Войска столкнулись, издав тот ни с чем не сравнимый звук, возникающий, когда две большие массы людей, движимые стремлением поубивать друг друга, наконец-то соприкасаются и приступают к делу, ради которого они оказались на смертном поле. Кто его слышал, тот не забудет до конца дней своих, а кому не довелось, тот никогда не поймёт, какие ощущения он вызывает.

Варварская орда наносила удары то в центр, то по одному, то по другому флангу, мы стояли, а наши катафракты бросались в контратаки. Солнце светило безжалостно, нас теснили. Особенно туго приходилось тогда, когда дука был вынужден отпускать часть катафрактов на водопой и прикрывать водоносов, но выбора не было. Если падут кони тяжелой кавалерии, вся остальная армия долго не выстоит. А если пехота не получит свои бурдюки с водой, то солдаты умрут от жажды прямо в строю, и козлотрахам не придётся даже ничего делать. Мы и так уже не могли ни потеть, ни мочиться. Нечем!

---

* В Российской армии данный способ построения принято описывать идиомой «как бык поссал».

Так продолжалось весь день. Стрелы, удар конницы, пехота, а потом всё повторялось. Грохот сталкивающихся щитов, треск ломающихся копий, чавканье поймавшей железо плоти, топот копыт, лязг оружия, свист стрел, брань, крики, молитвы, стоны, пыль, жафа, жажда, и так без конца.

Две стройные некогда линии пехоты превратились, если смотреть на них сверху, в огромную уродливую дельту. Каждая таксиархия зацепилась за какое-нибудь препятствие, которое позволяло сдерживать вражеский натиск и не пропускать противника по дороге, а конница кружила вокруг нас, выбирая момент, когда враг подставится под контрудар.

Солнце ползло по небу как черепаха. Казалось, этот день никогда не кончится. И вдруг атаки прекратились, а со стороны варваров послышался звук рога, зовущего на переговоры. От строя турок отделилась группа богато одетых всадников, несущих скрепленные копыта и зелёную ветвь. С нашей стороны хрипло ответил буксин. Дука Варда Вурц соглашался на переговоры.

До врагов было не меньше четырёх стадий, и я разрешил своим солдатам сесть. «Жаворонки» плюхнулись прямо в липкую вонючую грязь. Она доходила солдатам до щиколотки, так размесили каменно-твёрдую землю солдатские калиги и конские копыта. Плюхнуться-то они плюхнулись, но каждый был готов по первой команде занять место в строю. Щиты на подпорках у левого колена, так чтобы одним движением продеть руку в лямки, копьё воткнуто в землю остриём вверх рядом с правой рукой, каждая задница на своём месте в ряду.

Водоносы, пользуясь передышкой, как муравьи зашепили к иссохшим таксиархиям и тагмам. Вместе с ними шли раненые, которые нашли в себе силы вернуться в строй. Мне уже нечем было затыкать прорехи в рядах. Все пельтасты давно отложили пилумы, взяли копыта и встали в строй, больше обученных драться как тяжёлая пехота у меня не было, да и стрелки понесли тяжёлые потери. Места погибших пращников занимали оруженосцы, благо чуть ли не каждый мальчишка в империи с детства учился крутить пращу, а вот лучников заменять было нечем. Из почти тысячи двухсот солдат, стоявших в рядах «Жаворонков», этим утром на ногах осталось чуть больше половины. Во время

предыдущих боёв и стычек мы не понесли больших потерь, но сегодня судьба решила исправить это упущение.

Меж тем группа турок достигла середины ничьей земли и остановилась там. Рог снова протрубил вызов на переговоры. С нашей стороны вновь отозвался буксин, и перед строем «Волчат» два оруженосца установили скрещенные сариссы. Варвары ждали, однако дука не спешил встретиться с ними. В сопровождении своих сильно поредевших ипаспистов он отделился от строя катафрактов и медленно поехал по направлению к нам. Солдатский глаз видит далеко, и я рассмотрел, что главный ублюдок, разряженный как старая шлюха, начал терять терпение. Конь под этим выродком просто плясал из-за того, что всадник без причины дёргал его то уздой, то шпорами.

Я стоял на своём месте под знаменем. Роскошь опустить свою задницу в грязь и дать хоть краткий отдых измученному телу командиру недоступна. «Как хорошо быть таксиархом» – какой идиот это сказал? Вот и сейчас из всех «Жаворонков» на ногах оставались только часовые и я. Дука со свитой медленно приближался. Ветер стих, и знамя империи с ликом Христа Пантократора бессильно повисло вдоль древка. И Вурц, и его ипасписты являли собой картину смертельной усталости. Иссечённые щиты и доспехи, окровавленные повязки, корка из пыли, пота и крови на лицах. Им досталось не меньше, чем нам. Сколько раз дука сегодня водил катафрактов в атаку, не мог сказать и он сам.

Я отсалютовал ему мечом. Вурц устало ответил мне тем же.

– Не надо церемоний, хилиарх, сейчас не до них, – прохрипел он, спешиваясь. – Давай лучше поговорим.

– Слушаю тебя, светлейший!

– Макарий, оставь все эти титулы палатийским евнухам, а ещё лучше засунь себе в задницу! – раздражённо махнул рукой дука.

– Как скажешь, дука. Может, тогда отойдём в сторону?

Но то, что он хотел сказать, предназначалось не только мне.

– Слушай меня, хилиарх. И твои солдаты пусть тоже слушают. Ты давно понял, что я не просто так засунул всех нас в эту тёмную и воющую жопу, но вот зачем я это сделал, ты можешь только догадываться. Догадался?

– Мы приманка? – Я в упор взглянул в глаза Вурца.

– Верно! Только рыбка на нас клюнула очень крупная. Я послал с вестями к базилевсу несколько отрядов, кто-то да пробьётся, но, судя по тому, что солнце уже вон где, до наших доберутся только те, кого я послал совсем уж окольными путями. Иначе базилевс с войском уже появился бы здесь.

– Ты думаешь, что прижавшие нас вишивые засранцы об этом не догадываются?

– Догадываются, скорее всего, но, похоже, не обо всём. Иначе они бы не предложили переговоры, – усмехнулся дука. – Они думают, что мы навалили полные штаны и зовём на помощь, а базилевсу придётся либо собирать отряды со всей округи, либо идти нам на выручку с теми, кто будет под рукой.

– А у базилевса под рукой всё войско, и оно готово выступить немедленно?

– Верно! Ублюдки думают, что у них есть время, и не собираются класть слишком много своих. Поэтому и переговоры. А может, собираются показать нам путь к спасению, ведь, по их мнению, мы обречены, и, как только мы сдадимся, они смогут без хлопот занять Поливот и уже там встречать базилевса. Для нас это ничего не меняет. Мы должны стоять тут.

– Значит, будем тянуть время?

– Да, сейчас мы с тобой поедем и послушаем, что нам скажет вон тот магометов выродок, который уже замучил своего жеребца, и постараемся как можно лучше заморочить ему голову. Думаю, нам это удастся, им тоже нужна передышка, они тоже хотят пить. Скириты докладывали мне, что им до реки ещё дальше, чем нам.

– Почему я? – вопрос вырвался помимо моей воли, хотя я уже знал ответ.

– Ты остался старшим из пехотинцев, хилиарх. Таксиарх Анфимий убит, Лука Заяц тяжело ранен, у хилиархов шестой и седьмой таксиархий нет твоего опыта, а палатийский петушок, которого тебе сосватали в таксиархи, хвала всем святым, остался в лагере базилевса. С этого момента ты командуешь всей пехотой, оплитарх моря! Командиры «Волчат» и «Сладких девочек» получили на этот счёт письменные приказы, чтобы не вздумали кочевряжиться.

– Слушаюсь! – непроизвольно вытянулся я.

– Не тянись, не на плацу! – хмыкнул мне в лицо Вурц. – Тянуться мы будем, если выживем. Сейчас ты и твои щитоносцы мой главный козырь. Пока вы колом сидите у турок в заднице, они у нас в руках. Знаю! Вас осталась половина! Я уже приказал травматам выгнать из лазарета всех, кто способен поднять щит и копье. Потерявшие коней катафракты тоже достанутся тебе, по крайней мере у тебя будут люди для задних рядов. Это всё, что я могу для тебя сделать.

– Спасибо, Варда! – Я впервые назвал светлейшего по имени.

– На том свете угольками сочтёмся, Макарий, – улыбнулся дука. – Теперь ты третий в командной цепочке, мерарх Камуца принял командование конницей и заменит меня, если со мной что-то случится. Он, как теперь и ты, знает всё. Приказ прост – держаться! Если вас сомнут, кавалерия отступит к обозу и будет обороняться там. Хотелось бы мне и пехоту вытащить туда, но, боюсь, вас раздавят на марше, не те у тебя сейчас бойцы, чтобы прорываться с боем, а на этом холмике среди валунов и трупов вы устроились весьма уютно. Так что будем танцевать прежний танец. Я тебе оставляю несколько своих ипаспистов, они тебе понадобятся.

– Ещё раз спасибо!

– С тебя ещё горсть угольков, Макарий! А теперь поехали, пока этот иконийский петух там на поле не кончил от нетерпения! – расхохотался Вурц и, обернувшись к своим ипаспистам, приказал: – Коня хилиарху!

– Подожди, я должен отдать приказы.

– Валяй, оплитарх, не думаю, что тебе понадобится много времени для этого.

Мне подвели рослого гнедого жеребца. Уже сидя в седле, я послал теперь уже моих ипаспистов к Никанору и Марку, хилиархам «Волчат» и «Сладких девочек». Никанору я приказал оттянуться чуть назад, а Марку усилить свою позицию валом из трупов, раз он до сих пор этого не сделал. Ну и, разумеется, стоять до конца. После моей смерти командовать предстояло Марку. Чудом выживший под копытами спахов кентарх лучников Дамиан получил приказ принять командование над всеми уцелевшими стрелками. На время моего отсутствия командовать «Жаворонками» оставался кентарх первой сотни Афраний.

Инасписты устало отсалтовали и отправились развозить мои распоряжения, а наша небольшая кавалькада двинулась на переговоры. Со стороны мы смотрелись довольно неважно. Дука, справа от него я, слева трубач, позади нашей тройки знаменосец – мальчишка из аристо*, повзрослевший за сегодняшний день на полтора десятка лет, и пять инаспистов дуки. Все в изрубленных доспехах, покрытых пылью, кровью и грязью, уставшие, голодные и злые. Зрелище это не очень-то сильно походило на героические выдумки палатийских писак, в которых войны базилевса, сверкая начищенными бронями, сотнями повергают врагов...

В отличие от турок, мы никуда не спешили: каждый миг передышки сейчас стоил дороже, чем тысячи литр золота.

– Я тебе не всё сказал, Макарий, – обратился ко мне дука.

– Я понял это, Варда. То, что ты мне скажешь сейчас, не для солдатских ушей. Попробую угадать: ни один из твоих гонцов мог не пробиться, и теперь ты хочешь отдать мне приказы на этот случай?

– Верно. Ты не зря столько лет натирал подбородок ремнём каски, Макарий. Действительно, мог не добраться ни один, но базилевс предусмотрел и это. Он в любом случае двинется завтра после первой стражи. Если так, войско окажется здесь в лучшем случае к вечеру, а может, и к утру, что для нас уже слишком поздно. Но, подыхая, мы должны сделать так, чтобы иконийские засранцы не успели поставить укрепленный лагерь. Тогда базилевс придёт и вышибет из них всё дерьмо. Делай что хочешь, Макарий, но сдохнуть до завтрашнего вечера мы не имеем права. Жаль, что мы встретили их раньше, чем хотели.

– Я понял тебя, дука.

– Ничего ты не понял, Макарий! Наши друзья-козлотрахи тащат с собой нечто настолько ценное и громоздкое, что его невозможно пропереть в обход. Им нужна дорога, а на дороге торчим мы. Поэтому они и вызывают нас на переговоры. Ставлю стайер против обола, мы сейчас услышим необыкновенно почётные условия сдачи. Мы поймали их со спущенными штанами, Макарий! Даже если мы все сдохнем, они не надолго переживут нас!

– Что ж, это меня утешило, Варда. Напомни, сколько угляков я тебе должен на том свете? – ухмыльнулся я.

---

* Аристо – аристократ.

– *Гамóти Панагиóсу!** – богохульство дуки могло вогнать в краску лошадь, но не солдата. – Жаль, что я раньше не познакомился с тобой получше, Макарий! Если нам суждено выжить, клянусь, я исправлю это упущение!

– Всегда к услугам светлейшего! – преувеличенно чётко отсалютовал я.

– *Иди в задницу!* – махнул рукой дука, и на этой возвышенной ноте наша светская беседа сама собой прекратилась, слишком близко мы подъехали к варварам.

Наступило время переговоров – время врать, пыжиться, запугивать и торговаться.

Мы остановились в шести шагах от турок. Их посольство выглядело куда нарядней нашего. Новехонькие богато украшенные доспехи, чистая одежда из хлопка и шёлка, ухоженные бороды, кони нисийской и арабской породы в богатой сбруе. Особенно ярко сверкал их предводитель – настоящий петух! Мне стало интересно, сам ли это султан почтил нас своим присутствием или нам выпало сомнительное счастье лицеизреть кого-то из целой кентурии его сыновей?

– Ты звал меня, я здесь и слушаю, – кивнул султанёнку Вурц.

– Всемилостивейший, возлюбленный Аллахом, храбрейший из храбрых, доблестный из доблестных, наследник султана царевич Уюб говорит тебе, ромей, назови своё имя! – проблеял на нашем языке жирный как боров евнух-толмач. – Царевич хочет знать, достаточно ли ты знатен, чтобы говорить с ним!

– Скажи царевичу, евнух, что перед ним патфрикий империи дука Варда Вурц. Вам хорошо известно это имя. – Ледяной голос дуки смог бы заморозить ад.

– Царевич приветствует тебя, дука, – проблеял боров.

– Скажи царевичу, что и я приветствую его и хочу знать, о чём он желает говорить со мной. – Вурц вёл себя нагло.

– Царевич велит тебе повесить свои уши на гвоздь внимания, ромей, ибо сейчас он желает передать тебе слова своего отца, возлюбленного Аллахом потомка Пророка, потрясателя вселенной,

---

* Гамóти Панагиóсу – одно из самых грубых греческих ругательств.

меча ислама, благочестивого султана Абдул-Мелика! – Евнух прямо на глазах раздувался от собственной важности.

– И что хочет сказать мне султан? – Дука попытался почесать задницу, но не преуспел.

Султанский выродок посерел от бешенства. Остальные варвары возмущённо загомонили. Вури даже бровью не повёл. Дука откровенно наслаждался лёгким ветерком, трепавшим его светлые волосы, доставшиеся ему от матери-норманки. Он вёл себя так, будто явился сюда приняв капитуляцию сельджуков. Турки продолжали гомонить и корчить зверские рожи. Наконец султанёнок справился с собой и, прошипев что-то сквозь зубы, заставил свою свиту заткнуться.

– Ну же, я устал ждать! – И Вури демонстративно зевнул.

– Царевич приказывает тебе быть почтительнее, ромей, если не хочешь, чтобы тебе отрезали язык! – Боров уже не блял, а пищал.

– Мне может приказывать только базилевс! – отчеканил дука. – Что до моего языка, то пусть твой царевич придёт и возьмёт его. А пока пусть говорит то, что велел ему сказать отец.

Турецкий щенок зло кивнул евному. Тот набрал полную грудь воздуха, отчего раздулся как жаба, и заголосил торжественным фальцетом:

– Возлюбленный Аллахом потомок Пророка, потрясатель вселенной, меч ислама, защитник веры, покоритель тысячи царств, муж тысячи жён, благочестивый султан Абдул-Мелик говорит тебе, ромей, – ты славно бился. Султан ценит мужество даже в гяуре и потому предлагает тебе спасти свою жизнь и жизни тех, кто идёт за тобой.

– И какова же цена этой милости? – бесцеремонно перебил евного дука.

– Возлюбленный Аллахом не станет оскорблять твоего мужества предложением сложить оружие, – продолжил блажить толмач. – В безграничной своей милости он предлагает тебе вернуть захваченных тобой подданных султана и их имущество, после чего невозбранно уйти в свои земли. Взамен меч ислама требует от тебя поклясться именем пророка Исы*, что ни ты,

---

* Пророк Иса – так мусульмане называют Иисуса Христа.